

Посвящается моим детям и внукам

Помните о тяжелых временах
Великой Отечественной войны
1941-1945 гг.

Г. А. Кинь

1941 год. Июнь. 16 число. Мы сдаем последний экзамен за 10 классов - географию.

В ночь с 20 на 21 июня был прекрасный выпускной ~~кежар~~ бал. Его помог организовать наш шеф - Московский мясокомбинатим. Микояна. Был прекрасно сервированный стол (конечно без горячих напитков). Все выпускники были в прекрасном, приподнятом настроении. Вечер прошел очень весело и впечатлительно.

Казалось, впереди вся жизнь, где одно только светлое и хорошее.

Около 4-х часов утра пошли бродить по пустынным московским улицам. К 5 часам утра пошел дождь. Я проявил джентельментство, дал свой пиджак однокласснице Павловой Елене. Пришел домой в 6 часов утра. Мама естественно, спросила куда я дел пиджак. Я ей рассказал, что накрыл им в дождь Павлову Лему.

Весь день 21 июня я проспал после выпускного вечера. Да к тому же весь день шел дождь.

... ~~Пржекиж~~ Проснувшись утром 22 июня я почувствовал какие-то непонятные изменения вокруг - радио вдруг изменило программу, и не единожды повторялось, что в 12 часов будет выступление наркома иностранных дел.

И вот в 12 часов дня по радио выступает Вячеслав Михайлович Молотов, который сообщил, что в 4 часа утра гитлеровская Германия без объявления войны напала на нашу Родину, и в настоящее время идут ожесточенные бои от Балтийского до Черного моря. Особенно удручающего впечатления это сообщение не произвело, т.к. воспитаны мы были на советском патриотизме и русской гордости за свою отчизну. Были уверены что Германия будет разбита в течение нескольких недель или месяцев. Но...

Вообщем война внесла коренной перелом в жизнь людей. Два дня с начала войны прожили в какой-то неопределенности. Все было необычно.

Числа 25 или 26 все, кто жил близко к школе, были вызваны к директору школы - Александре Петровне Землемеровой. Пришло нас человек шесть. Александра Петровна объявила, что мы должны разнести повестки всем ребятам. В повестке говорилось, что 29-го июня все ребята, окончившие школу, должны явиться к 9 утра, имея при себе ложку, миску, мыло, полотенце и смену белья. 29-го июня, собрав все, что рекомендовалось предписанием, явившись в назначенное время в школу, нас всех повели к райкому комсомола, который располагался на Таганской улице. Здесь был сборный пункт, призванных по Таганскому району. Всех собравшихся - человек около трехсот - погрузили на поданные для этого случая трамваи и повезли на Рижский вокзал.

Нам было 16 - 17 лет...

На Рижском вокзале был городской сбор всех призванных ребят, только что окончивших учебный год.

К перронам Рижского вокзала были поданы составы, состоящие из товарных вагонов. Родные, близкие призванных были в числе провожающих и старались выяснить куда направляют ребят. Но из ребят никто толком ничего не знал. Взрослые военные ничего не объясняли, успокаивали провожающих, что ничего с ними не случится и скоро ребят возвратят целыми и невредимыми.

Была подана команда "заходи в вагоны", и все ребята с криком и шумом бросились занимать более удобные места в товарном вагоне. Через какое-то время эшелон тронулся. В какие места везут никто не знал.

Я люблю езду по железной дороге и с удовольствием наблюдал за пробегающим пейзажем: леса, поля, перелески, деревни. Пышные стада коров, овец, табуны лошадей. Чудесные деревенские пейзажи, дорогие каждому русскому сердцу. И вот на всю эту красоту надвинулось грозное жуткое несчастье

Эшелон с школьниками мчался по железной дороге, а какую конечную станцию изберет эшелон никто не знал. И лишь по названиям мелькавших станций предполагалось, что двигаемся мы на северо-запад, скорее всего в сторону Ржева или Гжатска. Наконец, поезд остановился во Ржеве.

Ахметкухтенкинская близкая жуткая хуверкинех Остановились не доезжая нескольких километров до Ржева. Была подана команда - "выходи из вагона". Все высыпали из вагонов, и стали строиться по районам Москвы. Зрелище было впечатляющим: несколько тысяч совсем молодежьких юношей строятся в колонны по районам.

И вдруг в небе стал надвигаться гул самолетов. И сразу раздалась команда - "воздух", рассредоточиться". Все пришло в хаотическое движение - все разбежались кто куда. Но самолеты (а их было три) пролетели над нами, не обратив никакого внимания на нас - вероятно летели бомбить Москву. Через некоторое время они прошли в обратном направлении. Перед вечером часов в восемь к нашему расположению подошли грузовые машины, оборудованные скамейками в кузове. Погрузили нас всех и колонна автомашин пошла по направлению к Вязьме. Скоро спустилась ночь и нас везли ночью без освещения дороги фарами, т.к. мы практически ехали к линии фронта. Уже ощущалось дыхание передовой, вдали слышались раскаты взрывов артиллерийских выстрелов, всполохи осветительных ракет и разрывы авиационных бомб.

Отъехав на приличное расстояние от места высадки, мы вдруг отчетливо услышали гул приближающихся самолетов, которые начали освещать ракетами и бомбить то место, где мы располагались после высадки. Военные, сопровождавшие нашу колонну сказали, что вовремя увели такое количество ребят располагавшихся на открытом месте.

Ехали мы всю ночь, хотя они в августе еще короткие. Но все же мы успели затемно проехать от Ржева до Вязьмы. И даже дальше - до райцентра Издешково, рас положенного между Вязьмой и Ярцевым. Этот Райцентр находится недалеко отберега Днепра, а рядом расположены железнодорожный и шоссейные мосты на расстоянии примерно двух километров друг от друга. Вот между этими ~~двух~~ двумя мостами нам и поручили вырыть вдоль берега противотанковый ров. Нас разбили на бригады и для каждой отвели участок.

Для питания каждому выдали сухой паек: 200 гр крупы., 4 куска сахара, банку рыбных консервов на два дня и 600 гр хлеба на день. Работать надо было по 12 часов (или днем или ночью). Проработешь день, вернешься в расположение, есть хочется безумно. Хорошо, что ручеек рядом. Возьмешь два камня, зачерпнешь воды из ручейка.ставишь на камни, разведешь под миской костер и сидишь, ждешь, когда закипит вода. Неожиданно заснешь от усталости, а когда неожиданно проснешься - вода из миски вся выкипела. Нальешь снова, закипит вода бросишь в нее щепотку заварки. Возьмешь консервы, наварнешь с хлебом и запьешь чаем. Вот и весь ужин. Такими же были завтрак и обед. Дней через пять сообразили. Сложились бригадой, все продукты в одну кучу. Выделили двух поваров, которые готовили для всей бригады, а бригада выполняла за них норму рытья противотанкового рва.

Через месяц пребывания на строительстве оборонных сооружений пришла команда - ребят рождения 1924-го года необходимо отпустить в Москву. В начале августа нас собрали и повезли в Вязьму. Там нас погрузили в автомашины и повезли в Москву. Но перед самым отъездом на Вязьму налетела немецкая авиация и нас вместо Москвы отправили километров на 10 в сторону от Вязьмы и высадили в лесу. А вскоре снова отправили в Вязьму, где поручили очистить железнодорожные пути от навала ~~из~~ железного лома. В Вязьме формировался санитарный поезд на Москву, ему нужно было дать зеленую улицу. И мы работали вдохновенно и быстро. После этого нас снова погрузили в автомашины и снова повезли в Москву. В Москву мы приехали 5 августа, и я возвратился домой.

Время счастливой юности, радостной и беспечной ~~какхихекикхххх-кхихихихиху~~, со всевозможными мечтами кончилось фактически 29 июня и мечтам несуждено было сбыться никогда.

В середине октября меня впервые вызвали в райвоенкомат и предложили учиться на шофера. Я сказал военкому, что к этому делу не подхожу, т.к. у меня плохое зрение. Военком ознакомившись с моим личным делом согласился с моими доводами и отпустил меня до следующего предложения военкомата.

Я в это время окончивал курсы слесарей по ремонту паровозов при паровозном депо Курского вокзала. По окончании их в начале 1942-го года работал в бригаде дышловиков. Бригада состояла из 4-х человек. Работа была тяжелая, т.к. все детали из тяжелых металлов. Дышло нужно было разобрать, вынуть из него баббитовые подшипники, наварить бронзовый корпус подшипника, залить внутрь подшипника баббит, профризовать до нужных размеров как внешние габариты, внутреннюю часть подшипника до посадочных размеров на кривошип. После этого бригада собирает дышло и отправляет на сборный пункт, где восстанавливают паровозы и после сборки сдают эксплуатационникам. Хотя и тяжелая работа, но работать было необходимо, т.к. за нее давали рабочую продовольственную карточку. В депо я проработал до июня 1942 года. В июне меня призвали в армию (в январе мне исполнилось 18 лет). Явившись в райвоенкомат собравшиеся призывники Таганского района погрузили на трамвай и повезли в Горвоенкомат, который находился на Каланчевской площади. В горвоенкомате проторчали до вечера, потом были направлены в разные пересыльные пункты.

Я попал в ту часть, которая направлялась на станцию Чкаловская. Всех нас поместили в какой-то церкви. Кормили нас два раза в день: суп какой-нибудь и каша. Этой еды конечно не хватало, особенно для молодого человека. Недалеко от церкви находилось колхозное поле, на котором росла болокачанная капуста. С наступлением темноты все призывники выходили на поле и срывали капусту кто сколько унесет. Соберемся мы, призывники после набегов на поле в церкви только и слышно хруст капусты. Живот капустой набьешь, но через час снова есть хочется.

В ноябрьскую часть призывников, в том числе и меня направили под Казань в Зеленодольск. В Зеленодольске формировалась восьмая отдельная лыжная бригада. Когда мы прибыли в Зеленодольск, бригада была более, чем на половину сформирована. Нас сразу же направили в эту бригаду и распределили по ротам батальона.

Я попал в роту саперов. Т.к. время было уже конец ноября, снег уже лежал, нас обучали хождению на лыжах и одновременно саперному делу, в основном подрывному. В основном учились подрывному делу на деревьях - осиках и березах. Повалим взрывами два-три дерева

обрубим сучья, ствол несем в землянку для растопки печи. Натопим печь так, что всю ночь стоит жара в землянке.

В начале января 1943 г. нас погрузили в эшелон и потянули на запад. Проезжали через Москву, и эшелон остановился на товарной станции Угрешская. Я знал рабочий телефон папы. Попросил у ребят две копейки, нашел телефонную будку и позвонил папе. Он сказал, что сам не может прийти, но сообщит маме и сестрам - Шуре и Нюре - они обязательно придут. Ребята заинтересовались как все получилось. Я рассказал. И вот по времени я чувствую, что вот-вот должны прийти сестры и мама. А тут вдруг цепляют к эшелону паровоз и перегоняют на товарную станцию Андроновская.

Полное разочарование. Но, к счастью, несколько солдат отстали. Некоторые из старшинского состава были направлены на их поиски. Среди них был сержант, который жил в районе завода "Шарикоподшипник". Как-то я рассматривал взятые с собою фотокарточки родных и он попросил показать ему - может кто-то из них ему знаком. Знакомых не было. И вот эти карточки оказали большую услугу.

Через какое-то время вдруг приходят к эшелону мама, Шура и Нюра. Я опешил и спросил как они разыскали состав. Они ответили, что вдруг ~~к~~ на станции Угрешская, подходит старший сержант и спрашивает: "Вы случаем не Павловы?" Они ответили, что Павловы. Сержант объяснил им, что эшелон находится на станции Андроновская, объяснил как найти эшелон. Вот таким счастливым случайным образом состоялось наше свидание. Мама и сестры приходили на следующее утро и сказали, что к вечеру придет и папа. Я был очень доволен. Мама и сестры ушли домой. Вдруг подгоняют к эшелону поезд-баню. В течение часа пропустили через мытье всех солдат, покормили, подцепили паровоз, и потянули нас в направлении к фронту.

Забегая вперед, скажу, что после возвращения из армии в 1945 году, мне сказали, что вечером того же дня вместе с мамой и сестрами приходил и папа, но как узнал, что эшелон ушел, он остановился и заплакал, сказав, что он больше меня не увидит. Его слова оказались пророческими: приблизительно через месяц папа умер. Я был ошеломлен этим сообщением. На второй день после возвращения в Москву мы пошли на Калитниковское кладбище поклониться могиле ~~их~~ папы. В душе - полное смятение, какое-то неверие в то, что произошло в нашей семье за военный период. ... Ну, а направили наш эшелон в район Воронежа, высадили нас на станции Россошь. Выгрузились и пошли походным маршем для занятия боевых позиций. Во время марша нашу разведку немцы пропустили, а по батальону открыли ураганный огонь. Шедшего рядом со мной солдата ранило. По-

ложив его на повозку, ротный приказал мне отвезти его в госпиталь. Мы с ездовым привезли его в госпиталь, сдали медикам, после чего я пошел искать свою часть, т.к. ездовой не стал меня ожидать и уехал. Я нашел какую-то часть, у командира роты поинтересовался как найти 8-ую отдельную лыжную бригаду. В ответ он приказал оставаться в его части, занимать вместе с его ребятами позицию. Какая разница в какой части получать увечье или быть убитым. Я пошел с ними. Была ночь. Спустились мы в овраг. Овраг был огромный. По склонам оврага располагалась деревня. По одну сторону оврага находились мы, по другую - немцы. Заняли позиции. Немцы вдруг стали обстреливать нас. Вокруг меня летели трассирующие пули. Делалось страшно, когда на тебя летят светящиеся пули. Лежащий рядом со мной солдат вдруг говорит: "Браток, мне перебило ноги, вытащи меня отсюда". Я положил его на лыжи и поволок до ближайшей хаты. Около хаты я снял его с лыж, втянул в хату. Он дает мне свой индивидуальный пакет, просит перевязать экономнее, чтобы хватило на обе ноги. Я его заверил, при необходимости, использую свой. Так оно и получилось, что на его перевязку пошло два пакета - его и мой. Через некоторое время в хату стали приходить раненные и просили меня оказать им первую помощь. Так за ночь набралось человек двадцать раненых. Вскоре они попросили их чем-нибудь накормить т.к. хозяев хаты не было. Через некоторое время в хату зашли военврач - женщина - и с ней два солдата. Оглядев хату, военврач, сказала, что эту хату они забирают под госпиталь, а я могу идти в свою часть. Я взял винтовку, лыжи и пошел искать свою часть. В этот же день я нашел свою 8-ю бригаду, а в ней саперную роту, в которой формировался. Ребята были ~~ради~~ рады, что я вернулся живой.

Со своей частью в 8-ой отдельной лыжной бригаде мы пробыли недолго. Батальон был разбит в трехдневных боях. А нашу саперную роту распределили по полкам 305 пехотной дивизии, которая находилась в Белгороде. 305 -я дивизия из Белгорода направлялась в сторону Харькова. Взводы нашей саперной роты отдельными группами подходили к 305-й дивизии. На пути нашей группы на второй день вдруг появилась группа немцев в человек 20. На наше движение в сторону немцев они никак не реагировали. Не доходя до них метров 20 командир нашей группы крикнул им, чтобы они бросали оружие. Они послушно бросили оружие на снег и подняли руки. Тогда мы приблизились к ним. Среди нашей группы, к сожалению, нашлись мародеры и грабители, которые принялись отнимать у немцев сигареты, часы, зажигалки и другие вещи. Тут же выяснилось, что это вообще не немцы, а болгары. Их построили и в сопровождении одного охранника направили в тыл.

В 305-й дивизии было три полка - 1002, 1004, 1006, нас направили в 1004 полк.

Так с конца января 1943 года началась моя фронтальная жизнь в 305-й стрелковой дивизии.

От Белгорода дивизия двинулась к Харькову. Где-то в конце января 1943 года был взят Харьков. 3 февраля 1943 г. - окончательный разгром немцев под Сталинградом. Все прекрасно знают Сталинградскую эпопею, о ней я не буду говорить. Скажу только о том, что услышал потом. Немцы, оказывается, решили русским в отместку за поражение под Сталинградом устроить подобный Сталинграду котел в районе Харькова. Вот в эту тяжелую операцию попала 305 дивизия и, следовательно, и я. Под Харьковом попали под ~~жестокую~~ жестокую бомбежку авиацией и обстрела авиационных пулеметов. Стоял сплошной ад. Но, видимо, уж была у меня такая счастливая судьба на войне. Бомбы и пулеметные очереди ложились то слева, то справа от меня. А вот лежащую от меня метрах в пяти слева медсестру буквально перерезало пополам пулеметной очередью. После этой жестокой бомбежки немцы вдруг неожиданно отступили, практически без боя сдав нам Харьков. После взятия Харькова мы двинулись по шоссе Харьков-Полтава в сторону Полтавы.

На полпути между Харьковом и Полтавой расположен небольшой город Валки. И вот на подступах к Валкам уже почувствовались какие-то неполадки в нашей армии - стало плохое нерегулярное снабжение продуктами питания и вооружением: ощущалась нехватка артиллерийских снарядов, мин, и другого военного снаряжения.

Несмотря на это была команда - вперед. И вот недоходя километров 10 до Полтавы, немцы по реке Миасотрезали всю Харьковскую группировку, и в окружение попали 90 тысяч солдат. Нам, саперам, дали команду: срочно собирать противотанковые мины. Расположили нас в каком-то сельском сарае, подбросили толовые шашки и механические взрыватели. Сидим мы в сарае собираем противотанковые мины. В феврале дни короткие, и мы вскоре почти на ощупь собирали эти мины. Вдруг на улице послышался шум, крики, выстрелы, скрежет танков и очереди из пулеметов. Выскочив из сарая, мы увидели страшную картину: бегут наши солдаты, а их расстреливая и давя гусеницами, мчатся немецкие танки. Картина невообразимо страшная. Поддавшись общей панике, побежали вместе со всеми, спасаясь от страшного пулеметного и танкового огня и лязга гусениц. Всю ночь мы отступали в беспорядке к Харькову. Благо, что длинные и темные ночи. За ночь мы прошли много - позади остались Валки, Котельва и другие населенные пункты. Мы приближались к пригороду Харькова - Мерефе. Утром на рассвете в Мерефе нас взяли полицаи и отвели в комендатуру, где

собрались одиночки солдаты человек 20-25. Всех нас выстроили и повели в Харьков в сопровождении конвойных немцев. Это было на третий день, как попали в окружение. В Харькове нас привели на Холодную гору, где находилась тюрьма, построенная Екатериной II. На территории этой тюрьмы устроили лагерь для военнопленных. Нас поместили в одном из тюремных дворов и устроили так называемый карантин. Часов в пять вечера пришли конвоиры с переводчиком. Немцы сказали, а переводчик перевел, что нужно строиться и идти на обед. Так как у нас не было ни мисок, ни ложек, нас строем повели за "посудой". Привели на свалку металлолома, где валялись солдатские каски, жестяные банки. Велели отсюда выбирать "посуду".

Я нашел в этом металлоломе двухлитровую банку, на стенках которой в палец толщиной был слой пыли и грязи. Помыть банку было нечем, воды не было. Попытался очистить ее ~~ник~~ железным прутом, который нашел в хламе. Нас повели в пищеблок, где налили в такую банку какого-то "супа". "Суп" издавал противный вонючий запах, и несмотря на то, что я три дня ~~ничел~~ ничего не ел, я отвернулся от банки и остался голодным. Но, как говорится, голод не тетка, и на следующее утро я с трудом проглотил предложенный "суп". Он оказался сваренным из неочищенной картошки с добавлением шелухи проса. После "завтрака" нас повели на обыск. При обыске у меня нашли завернутый в белую тряпочку какой-то фунтик. На вопрос - что это, я ответил, что перед призывом меня в армию сестра (Шура) дала мне и сказала, чтобы я не выбрасывал, т.к. в ней завернута молитва, чтобы я ее берег. Комендант поверил и вернул мне этот сверток. Я убрал его в карман.

После допроса и обыска меня отправили в общий коллектив военнопленных. Ежедневный порядок был таким: подъем в 7.00 утренняя поверка. Затем во двор заходит комендант, сухопарый, высокого роста немец. Впереди него бежала овчарка и обнюхивала ряды. Комендант шел быстро вдоль рядов, и если кто-то из военнопленных не понравился, ему почему-нибудь, военнопленный немедленно получал удар кулаком по лицу. После проверки-"завтрак", после которого вновь построение для распределения на работу. Работа была в основном черная: расчистка развалин, перемещение всевозможных грузов внутри города и т.д. Но самая бестолковая работа была - это перевозка ящиков со снарядами и боевыми патронами из одного цеха Харьковского тракторного завода в другой. Сам завод был эвакуирован в глубокий тыл, а коробки цехов остались, целыми. В них-то немцы и устроили склады с боеприпасами. В одних цехах военнопленные грузили на машины ящики с боеприпасами и транспортировали в другие цеха. Там другие военнопленные разгружали автомашины и устанавливали ящики в ряды.

Проработав несколько дней на таких работах и питаясь вонючей бурдой два раза в день, я свалился с брюшным тифом. Видимо около двух недель я провалялся без сознания. Как мне удалось выйти в этот период, я объяснить не могу. Как я понимаю, товарищи по плену прятали меня от глаз немцев. И как я прожил это время без пищи том не знаю. Видимо, кто-то из военнопленных тайно подкармливал меня. Находясь в бессознательном состоянии я вдруг отчетливо услышал винтовочные выстрелы, бессознательно ~~я~~ поднялся и куда-то пошел и выбросил белую тряпочку с молитвой. Ну раз я начал реагировать на внешние возбудители, то вероятно я стал выздоравливать, приходил в сознание. А когда сознание окончательно вернулось, на мой вопрос, что это были за выстрелы, ребята ответили, что немцы устроили "тренировку", и расстреливали из винтовок цистерну, в которой когда-то была вода для внутренних нужд лагеря.

Сколько времени я пролежал в тифу сказать не могу, но когда я пришел в себя и вышел на улицу, снег давно сошел, деревья были зелеными, светило яркое весеннее солнце. Заболел я в конце февраля. После этого я еще несколько дней не выходил на работу, чтобы лучше окрепнуть. И вот настал день, когда я пошел на "работу". Я попал в группу уборки разрушений в городе. Носили и грузили на автомашины металлолом, образовавшийся при бомбежках зданий. На второй день я попал на "работу" на Харьковский тракторный завод. Здесь мне немного повезло. Как я говорил раньше, на заводе надо было перетаскивать ящики с боеприпасами из одного цеха в другой. Каждый ящик был примерно весом в 50 кг. Один из охранников пожилого возраста (немец) увидел, что в момент переноски ящика меня сильно качает, подошел и говорит "Пан(!)" стой у штабелей выравняй сдвинутые ящики. Я остался и стал выравнивать ряды ящиков.

Вскоре у немцев дела пошли плохо - они потерпели грандиозное поражение ~~их~~ в битве на Орловско-Курской дуге. Видимо это сильно повлияло на их моральное состояние, и они ослабили контроль над пленными.

К этому времени я познакомился с одним военнопленным москвичем Черных Геннадием Даниловичем, 1918 г. рождения. По специальности он был картографом, окончил геодезический институт, был женат, но детей пока не было. Он служил в авиадесантной дивизии и был довольно образован в военном деле. Он предложил мне совершить побег и возвратиться к своим для дальнейшей борьбы с немцами.

Тюрьма была отгорожена каменной стеной высотой три с половиной метра, а по верху стены шли металлические стойки, между которыми была натянута колючая проволока. По углам стены стояли сторожевые

башни, а с внешней стороны от башни до башни ходил часовой.

Мы с Геннадием во время выхода на работу договорились с гражданскими (мы имели кое-какой контакт с местным населением при выходе на работу в город. Женщины иногда нам подбрасывали морковь или вареную свеклу и картошку. Среди гражданских мужчин было немало злобно настроенных против нас. Называли нас проклятыми "Москалями"), чтобы они принесли метра три хорошей веревки. На другой день они ее принесли.

Выбрав темную июльскую ночь, мы с ним подошли к стене. Я встал ему на плечи (а роста он был метра под два), прихватил к стойке веревку, подтянулся и лег вдоль стены. Затем по веревке поднялся Геннадий. В это время с внешней стороны приближался охранник. Мы, естественно, притихли. Дали ему возможность пройти мимо нас. Сердце мое билось так сильно, что я слышал даже его биение. Как только он прошел мимо нас, шагов его не стало слышно, мы перекинули веревку на внешнюю сторону стены и моментально соскользнули на землю, бросились через дорогу во двор какого-то дома, пробежали его, потом через двор другого дома и, наконец, вышли из города.

Очувтившись на свободе, мы ориентировались днем по ~~или~~ солнцу, а ночью по звездам, держали путь на северо-восток, стараясь придерживаться лесистой местности. Так мы шли два дня, а на третий вышли на поляну, где увидели пепелище костра, разбитую нашу полторотонную машину. У потухшего костра нашли несколько черных сухарей и две гранаты Ф-1 с запалами.

Сухари мы сразу же съели. Гранаты, естественно, взяли с собой. Дорога в лесу проходила по оврагу и нам это было на руку. Этой дорогой с большими предосторожностями мы прошли еще день. На следующий день дорога стала подниматься по склону оврага и вышла на равнинную плоскость. Мы поднялись по ней и метров через 50 оказались на поляне, где росла дикая груша. Вокруг нее валялись перезревшие плоды, мы их подняли и попробовали. Груши были мягкие, сочные, и мы, наконец, наелись что называется от пуза. Пройдя поляну мы вдруг услышали, что артиллерийская стрельба у нас за спиной. Мы поняли, что прошли линию фронта и движемся уже по нашей территории. Прошли несколько километров, вышли на другую поляну и вдруг услышали русскую речь. Мы оросились на эти голоса и видим сидят русские солдаты! Мы до ~~эти~~ того обрадовались, что невольно из глаз полились слезы. Мы положили ~~банд~~ перед ними гранату и сказали, что бежали из плена и вот теперь мы у своих и просим представить какому-нибудь офицеру. Нас представили старшему лейтенанту, который оказался сотрудником контрразведки. Сразу поставили к нам двух ~~чехов~~ часовых. Старший лейтенант принес два стула, раскладной стол и говорит: "Давай, высокий, выходи,

я буду снимать с вас показания и составлять протокол ". Геннадий ему сказал, что мы четыре дня пробирались к своим, что у нас во рту не было ни крошки, мы очень голодны и попросил нас накормить . Старший лейтенант сказал, чтобы нам принесли еду - это оказалось картофельное пюре с мясом. Дали хлеба. Когда мы поели, то сказали что теперь можно снимать с нас допрос, т.к. на душе и в желудке стало "вполне". После допроса нас в сопровождении часовых отправили в штаб армии, ~~хххх~~ где было еще несколько возвратившихся подобным образом из ~~ххх~~ плена.

В штабе армии представили командиру дивизии. Сначала к нему повели Геннадия. Через некоторое время он вернулся, я спросил как там было. Он ответил, пойдешь сейчас и все узнаешь .

Привели меня в штаб армии и генерал спрашивает: " Ну, что, гадены какое немцы дали тебе задание? и что ты видел, когда пробирался к своим?" Я ответил, что никакого задания мы не получали, и когда шли к своим, то держались все лесом, поэтому ничего не видели. Он за мой ответ так саданул мне уху, что я свлился на пол и ничего не мог сообщить. "Пшел вон", сказал он мне. И я пошел под охрану часовых. Геннадий сказал: "Знаешь теперь как нас встретили".

ххххххх

Нас направили на пересыльный пункт, где практически собрали всех возвратившихся военнопленных и устроили поверочный лагерь. С этим лагерем мы прошли путь до Кременчуга, где увидели Днепр так прекрасно описанный Гоголем в своих произведениях.

От Кременчуга, погрузив всех нас в товарные вагоны, куда-то повезли. Конечным пунктом нашей поездки оказалась станция Славянск (Донбасс). Со станции нас пешком довели до города, где был расположен рабочий поселок. В нем нас и оставили. Ограждения колючей проволокой не было. Нас заставили устанавливать столбы, натягивать колючую проволоку, строить ворота и проходную будку. В домах были небольшие - одно и двух комнатные квартиры, в которых мы устраивали двухэтажные нары и располагались на ночлег. По времени года это было уже где-то под октябрь месяц.

В этом лагере нас заставляли восстанавливать затопленные и разрушенные шахты. И вот ведь опять какая-то счастливая звезда взошла надо мной. Я не попал в шахту. Нужно было устраивать кухню, чтобы кормить лагерников.

Начальником столовой назначен был какой-то Асланов, которого я никогда до этого не знал и не видел. Он подбирал штат для столовой и в этот штат попал и я.

стороны немцев. Поднялись на крутой берег и километров в двух увидели лесной массив, к которому и держали путь. Когда мы прошли половину пути, из леса вдруг выкатились восемь немецких танков и двинулись, стреляя, на нас. Мы залегли, а танки приближаются. Вдруг откуда не возьмись, появляются наши танки и огнем уничтожили четыре немецких танка. Остальные повернули и ушли в лес. Мы двинулись тоже к лесу. Так потихоньку мы наступали весь день, находясь на "хвосте" немцев.

Вечером была зловещая картина: густой багровый закат, горящие хутора, которые при отступлении немцы сжигали. Полеты трассирующих пуль, визг снарядов и раздирающие душу крики раненых: "Мама! Товарищи помогите". Душу раздирало так, что невозможно было оставаться спокойным.

В одном месте, немцы пропустив нашу разведку неожиданно прямой наводкой ударили из нескольких самоходок "Фердинанд". Мы все залегли, немцы били примерно минут двадцать, а потом неожиданно снялись и ушли. Во время этого обстрела несколько наших солдат ранило и их отправили в госпиталь. К этому времени батальон понес значительные потери, и была команда оставить у минометов и орудий по два человека расчета, остальных перевести в стрелковые части. Так я из минометного расчета попал в стрелковую роту. Всех, кого освободили из минометных и артиллерийских подразделений заставили идти в стрелковые роты. После расвета была команда - "в атаку!". Я поднялся вместе со всеми, но сколько я пробежал, не могу сказать. Мне вдруг в левую ногу ударила пуля. Как она ударила - я не чувствовал - потерял сознание и свалился. Сколько лежал, не знаю, только слышу как кто-то говорит: "зачем вы несете его в дом? Его сейчас все равно с поля боя не вытащить, а как ~~вхихит~~ ~~тяжких~~ стемнеет немец подожжет хутор. Каждому будет до себя. Здоровые выскочат, а он вместе с хутором сгорит".

Санитары вынесли меня из дома. Нашли в саду вырытый окоп для стрельбы лежа. Положили на дно соломы, уложили меня и сверху прикрыли соломой. Так я пролежал весь день. Вечером разгреб солому и вижу, что хутор горит. Вдруг слышу знакомый голос нашего начальника санитарной роты Кожевникова, позвал его. Он меня увидел и сказал, что сейчас организует вынос меня с передовой. Пока день лежал потерял довольно много крови. Меня уложили на плащ-палатку и четверо людей понесли меня от передовой в санчасть.

В санчасти сразу положили на операционный стол. На лицо накинута марлевая повязка и стали капать эфиром. Сказали: считай. Я стал считать - один, два, ... семь... одиннадцать... и вдруг перед глазами появилась светящаяся точка и ~~попыхнула~~ ~~куда-то~~ ~~попыхнула~~ ~~куда-то~~ полетела куда-то в неизвестность.

Я как бы провалился и потерял сознание. Очнулся я в санитарной палатке уже на рассвете. Пришла медицинская сестра и говорит, что я потерял много крови и мне нужно влить кровь, которую она принесла в шприце. Она колола в правую руку. А вены у меня плохие, она никак не могла попасть. Затем пыталась влить в левую руку и опять тот же результат. С нее бедняги пот льет, а влить кровь мне никак не может. Тогда она мне сказала, чтобы я пил кровь. Я попросил принести горячих кислых щей и 50 гр спирта. Все это она принесла. Я выпил залпом поллитра крови запил разведенным спиртом и заел кислыми щами. Вроде бы ничего. Но через некоторое время во рту почувствовал жирный привкус крови. Это ощущение длилось примерно часа два, а потом все вошло в норму.

И началась моя эпопея по госпиталям. Из фронтового госпиталя меня перевели в другой в другой госпиталь в г. Паневежесе. Располагался он в крепости. Привезли меня, а на другой день вновь повезли на операцию. На этот раз вскрыли рану, почистили от гноя, рассекли ее, чтобы гной лучше выходил. Наложили мне гипс и перенесли в палату. Операция проводилась также под наркозом под общим.

Но и этом госпитале я долго не задержался. Через несколько дней меня переправили в госпиталь в Даугавпилсе (Даугава). И здесь госпиталь располагался в крепости.

Это был уже сентябрь 1944 года

Здесь мне вновь под общим наркозом сделали операцию, еще больше рассекли рану для лучшего отхождения гноя, вновь наложили гипс. Но не слишком удачно. Когда лежал на гипсовальном станке, представляющим из себя перекладину под поясницей; ноги приэтом (стопы) привязаны к винтовым кронштейнам. Для удобства раненого на перекладине лежала мягкая подушечка. Когда я очнулся на гипсовальном станке от наркоза, то грудь и левая нога были уже загипсованы. Медсестра подошла и вынула из-под поясницы подушечку. Наркоз наверно продолжал действовать, т.к. я вновь уснул. Очнулся я в палате, было уже светло. К вечеру действие наркоза закончилось, и я почувствовал резкие боли в подъеме левой ноги. Боли были настолько сильны, что терпеть их было очень трудно. Я попросил сестру позвать доктора. Он пришел и сказал мне, что это от наркоза. Велев сестре сделать мне укол морфия. Я уснул, а на другой день все повторилось вновь. День кое-как перетерпел, а вот ночью, когда тишина и темнота боль как бы усиливается. Я опять попросил прислать врача. И этот врач объяснил, что это после операции - после наркоза. Опять хотели сделать укол морфия, но я отказался. Я попросил принести мне какую-нибудь книгу, чтобы читать всю ночь. И мне принесли книгу Пушкина страниц на 1500. Поставили около меня свечи, и я всю ночь читал

На третий день утром я откинул одеяло и увидел, что вся нога лежит прямо, а стопа вывернута вправо.

На следующий день я показал ногу лечащему врачу и сказал, что в поеме очень болит. Врач велел немедленно притти сестре, которая проводила гипсование. Сестра пришла, врач показал ей, что она сделала и велел немедленно устранить боль. Сестра принесла пинцет, вату и воду. Намочила гипс (что бесполезно) и ланцетом начала разрезать его. Вот где было мученье. Каждый надрез гипса отзывался такой дикой болью, что глаза на лоб лезли. Промучавшись часа два, сестра вновь наложила гипс и стала его раздвигать. Только чуть-чуть раздвинула гипс, как боли сразу пропали. Но стопа так и оказалась вывернутой в правую сторону. Так она и осталась ~~хивернутой~~ деформированной на всю мою жизнь, что приносит ни только неудобства, но и дополнительные боли.

В госпитале Даугавпилса я пролежал примерно около месяца. Соседей по палате давно эвакуировали в глубь страны, а я все остаюсь - держится температура 38,5 - 39 °С такой температурой эвакуировать нельзя. Но все же я упросил доктора. И в следующий раз, когда пришли представители санитарного поезда - врач подошла и сказала, что я первый кандидат на эвакуацию. Меня положили на носилки и понесли к машине. Так я выбрался из Прибалтики и понал в эвакогоспиталь в Рязани.

В Рязани мне опять сделали очередную операцию, т.к. рентген показал, что кость бедра сраслась неправильно. Опять мне давали общий наркоз, сломали перелом, установили кость нормально и вновь загипсовали. В этом гипсе я пролежал ~~четыре~~ четыре месяца - пока кость не сраслась как следует - прочно и правильно.

xxxxxxxx

Из Рязанского госпиталя я отправил домой письмо с сообщением, что лежу в госпитале. Вскоре я получил от мамы ответ, в котором она сообщала, что ко мне приедет племянница Антонина из Рыбного, что в 20 км от Рязани. А после этого мама тоже приедет ко мне.

И вот через несколько дней приезжает племянница и просит пустить ее в палату. Но незадолго до ее приезда по Рязани появилась вспышка тифа и был наложен карантин по всему городу.

Приходит медсестра (правда, ко мне она относилась очень хорошо) с носилками и говорит, что нужно меня вынести в коридор - приехала, говорит, сестра. Я сказал, что в коридор не пойду на носилках. Препирались мы с ней минут пять. Потом она ушла, а вместо нее появляется начальник отделения, подходит ко мне и говорит: "Ты кто по званию?" - "Солдат". А я, говорит, майор. Поэтому приказываю сестре берите его за ноги и кладите на носилки". Так решился вопрос моего свидания.

Пришла Антонина, и мы с ней поговорили минут двадцать. Окно на зиму было заделано плохо, и в щели садил холодный ветер прямо на меня. Тоня принесла какую-то передачу.

После свидания меня унесли обратно в палату.

А на второй день температура у меня оказалась 38° . Сестра побежала к лечащему врачу, сообщила о моем состоянии. Тут же прибежала врач, прощипала меня всего, прослушила и говорит: "Вот видишь, говорили тебе что вредно сейчас устраивать свидания при вспышке тифа в городе. Немедленно его в изолятор!". Принесли носилки, положили меня и понесли в изолятор.

И вот лежу я там один. Скука ужасная. Только и развлечение - наблюдать как раненым ставят клизму. Придет раненный с ним сестра с ведром воды. Ложится, бедолага, на кушетку, сестра вставляет ему в зад трубку и перекачивает всю воду из ведра. Питание аккуратно приносила медсестра Лида. Принесет, поставит на тумбочку, пожелает приятного аппетита.

Я в первый день добросовестно ел все. На второй день нахождения в изоляторе температура у меня установилась нормальная. На третий день также была нормальная температура. Я стал просить сестру, чтобы меня перевели в мою палату. А мне отвечают - в изоляторе положено быть три недели - ведь у тебя тиф. Я говорю, что нет у меня никакого тифа, просто надуло из окна в коридоре при свидании. Мне отказали. Тогда я объявил голодовку. Два дня ничего не ел из того, что приносили. Сестра хотела меня накормить, но я отказался. Она доложила лечащему врачу. Он пришел, и мы договорились, что если утром температура будет нормальная, меня переведут.

Вот только ни врач, ни медсестра не знали о форме моей голодовки. Работала здесь одна бабуля - нянечка. Она втихую подкармливала меня то соленым огурчиком, то соленым помидорчиком. Ни лечащий врач, ни медсестра об этом не знали.

На следующий день утром температура была нормальной, и врач распорядилась меня перевести в палату, где я лежал до изолятора. Пробыл я в изоляторе всего пять дней.

Вообщем, лежу я в госпитале, лечусь. После 2-х с половиной месяцев лежания в гипсе, его наконец сняли, но вставать не разрешили. Да я и сам чувствовал, что еще рано вставать. Гипс о себе дал знать. Спина не распрямляется, не дает возможность сесть. Но понемногу начал подниматься и опираться на локти, затем медленно начал приучаться садиться как следует. Когда первый раз сел, то мог просидеть всего лишь несколько минут. Закружилась голова, и я вынужден был лечь. Через несколько дней я уже мог свободно сидеть. А затем стал опускать ноги на пол. Но все это относительно, т.к. левая перебитая нога не гнулась в колене. Все же через какое-то время начал вставать и опираться на спинки своей и соседней кровати.

Так постепенно я выздоравливал и приходил в себя.

Лечащий врач для ускорения моего выздоровления назначил физкультуру для разработки коленного сустава. Пошел я в физкультурный кабинет, сестра уложила меня животом на кушетку. Положила одну руку мне на бедро, ~~какая-то~~ второй взяла за голень. И давай мне сгибать ногу. Вот уж болей раньше не ощущал таких. После первого посещения кабинета физкультуры, я отказался от процедуры. Меня запугивали, но уговорить не смогли.

Второй интересный момент. Пришла пора стричь раненых. поголовно всех и наголо. Я категорически возражал, заявив, что я еду домой и поэтому буду отращивать волосы. И здесь также не удалось меня уговорить.

Но время идет. Выздоровление налицо, и приближался момент выписки и возвращения домой.

Возвращусь немного назад. После посещения меня в госпитале Антонин вскоре приехала мама. Но в неудачное время. Мне решили влить донорскую кровь, после чего происходит реакция, от которой трясет все тело. На меня накинули два шерстяных одеяла. Мама испугалась и спросила врача не умираю ли я от такой трясучки. Врач ее успокоил. И минут через пятнадцать я пришел в нормальное состояние.

Мама рассказала, что везла мне кое-какие подарки, но рядом с ней сидел один офицер, который выходил раньше - видимо он все и прихватил. Кроме того, мама везла фотокарточку, на которой лежит в гробу папа и хотела мне показать ее. Но врачи, с которыми она посоветовалась, категорически запретили. И о смерти папы я узнал, когда возвратился в Москву.

Но как бы то ни было - время лечит все. Так и у меня. К концу марта меня назначили к выписке. Остались кое-какие мелочи и оформление документов. Наконец к середине апреля все было закончено. Мне дали сопровождающую медсестру, и я поехал домой.

Я не буду описывать ту радость и счастье возвращения домой, хотя я и вернулся на костылях. Радость была всеобщей и радовались все искренно.

Так закончилась моя военная эпопея.

После того, как я описал свою военную судьбу, вижу что какая-то невидимая счастливая рука вела меня по дорогам войны. И хоть верь, хоть не верь - но мама как истинно верующий человек искала методы разузнать о моей судьбе. Она обращалась к цыганке, которая ей нагадала, что я жив, но мне в настоящее время тяжело. По ее словам, я пройду войну, перенесу все ее тяготы, но вернусь домой. Правда, не в том виде, в каком ушел в армию. Ее пророчества сбылись - прошел все и вернулся домой - правда инвалидом. Вот и я начинаю убеждаться, что есть какая-то неведомая сила, которая ведет каждого человека по его жиз-

~~ненному пути~~

ненному пути. Пусть это называется воля Божья или еще как-то, но Высшая сила все же существует. В это приходится поверить.

Е. Савиц 05.05.95